

Литература

Кошеленко Г.А., Гаиров В.А. 2008: Бактрийский царь в кочевнической трактовке // Проблемы истории, филологии, культуры. XII. Москва–Магнитогорск, 86–98.

Никоноров В.П. 2002: Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. I (XXVI), 223–323.

Пшвеладзе Э.В., Горин А.Н. 2011: Эллинистические монеты Кампыртепе // ВДИ. 4, 180–211.

Le Rider G. 1965: Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville. P.

Lerner J.D. 2003–2004: Correcting the early history of Ay Kanum // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd 35–36, 373–410.

Lyonnet B. 1997: Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978) sous la direction de Jean-Claude Gardin. Vol. 2. Céramique et peuplement du chalcolitique à la conquête arabe (Mémoires de la mission Archéologique Française en Asie Centrale. 8). P.

Lyonnet B. 1998: les grecs, les nomads et l'indépendance de laSogdiane, d'après l'occupation compare d'Ai Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècle avant notre ère // BAI. 12, 141–159.

Widengren G. 1971: The Establishment of the Sasanian Dynasty in the light of new evidence // La Persia nel medioevo. Roma, 711–782.

Г.А. Кошеленко,
член-корреспондент РАН, главный научный
сотрудник Института археологии РАН

© 2012 г.

Celtic from the West: Alternative Perspectives from Archaeology, Genetics, Language, and Literature. Ed. by B.W. Cunliffe, J.T. Koch. Celtic Studies Publications 15. Oxford–Oakville (CT): Oxbow Books, 2010. VII, 384 p.

Как отмечено в предисловии редакторов к этому тому, его появление обусловлено тем, что несколько лет назад два исследователя – Барри Канлиф и Джон Т. Кук, – рассматривая соответственно археологические и лингвистические данные, пришли к новому выводу: кельты впервые появляются в «Атлантической зоне» (Ирландия, Британия, Бретань и северо-запад Иберийского полуострова) в бронзовом веке. Как известно, эта гипотеза была встречена с небывалым для кельтологии (и индоевропеистики) скепсисом, хотя и была принята некоторыми специалистами по предыстории. Несмотря на уничтожающую критику этой теории, именно эти два исследователя создали в 2009 г. однодневную конференцию, которую смело можно назвать междисциплинарной, но отнюдь не комплексной, материалы которой и опубликованы в этой книге. Следует отметить смелость и научную бескомпромиссность Канлифа и Кука: как указано в предисловии (с. 6) к этому отлично напечатанному, снабженному иллюстрациями и картами сборнику, редакторы отнюдь не стремились сделать из него манифест «Атлантичеко-кельтской парадигмы», но хотели предоставить возможность высказаться по этому и сопряженным с ним вопросам специалистам-лингвистам, археологам и генетикам.

Книга состоит из трех частей, озаглавленных соответственно «Археология», «Генетика», «Язык и литература». В первой части представлены три исследования, одно из которых, впрочем, можно было бы ожидать в третьей части тома. Действительно, работа А. Гуерра (с. 65–78), посвященная новым надписям юго-запада Иберийского полуострова, скорее относится к языковой части сборника. Примечательно, что, публикуя недавно открытые тартесские надписи с территории современной Португалии, самой большой из которых (82 знака) является инскрипция на стеле из Месас-до-Кас-телиньо, автор не углубляется в проблемы собственно лингвистической атрибуции этих памятников, что резко контрастирует с содержанием самой большой главы в сборнике, занимающей более ста страниц (!), в которой Дж. Т. Кук рассматривает тартесские тексты как кельтские, к чему мы еще вернемся ниже. Собственно археологических же работ в сборнике две, и обе можно назвать концептуальными и вполне ожидаемыми.

Автор и неутомимый пропагандист гипотезы атлантического происхождения кельтов сэр Барри Канлиф, безусловно, знаком с критикой своих построений, высказанной индоевропеистами и кельтологами за годы, прошедшие со времени публикации его известнейшей монографии «Facing the Ocean: The Atlantic and Its Peoples, 8000 BC to AD 1500» (Oxford, 2001). Это знакомство подтверждается и существенным изменением формулировок, и попытками дать прямые ответы на критические замечания своих оппонентов, что мы находим в статье этого автора, скромно озаглавленной «Кельтизация с Запада. Археологические данные» (с. 13–38). Собственно археологический подход к проблеме мало модернизирован по сравнению с более ранними публикациями этого автора – это и безусловно правильное наблюдение о мощной системе обмена товарами и идеями в Атлантической Европе эпохи ранней Бронзы, которая, как отмечает Канлиф, была фрагментизирована (и регионализирована) в более поздний период, равно как разделяемая многими археологами точка зрения об отсутствии свидетельств передвижений кельтов с континента в Британию и Ирландию в железном веке. Однако мы не находим в этой версии отражения тех взглядов Канлифа, которые вызвали шквал критики, особенно в филологических кругах. Так, (обще-)кельтский язык больше не рассматривается как *lingua franca*, возникший для обеспечения общения различных сообществ «Атлантической Европы» ранней Бронзы, и, в более общем плане, производится явная попытка в какой-то мере примирить археологическую теорию с данными современной индоевропеистики. В статье принимается восточное (в широком плане и без вхождения в особые детали) происхождение кельтов и, соответственно, индоевропейцев, и упор делается на возможность того, что кельтский язык стал кельтским именно в Атлантическом регионе. Однако предложенные Канлифом датировки, в частности, прихода сюда индоевропейцев около 5000 г. до н.э., и идея о последующем возникновении именно здесь (и в некотором языковом вакууме) общекельтского языка, не может не вызвать критики, и, примечательно, она появляется уже непосредственно на страницах рецензируемой книги.

Впрочем, и собственно археологический компонент этой гипотезы оказывается неприемлемым, по крайней мере, для части исследователей, и в том числе для известного австро-валлийского археолога Раймунда Карла, чья статья с говорящим названием «Кельты отовсюду и ниоткуда» (с. 39–64) следует за работой Канлифа. Карл кратко рассматривает «традиционную модель кельтской археологии», в центре которой стоят археологические культуры железного века (Гальштатт и Ла Тен), и отмечает ее непопулярность у современных специалистов по предыстории. С точки зрения этого исследователя, «новая модель» Канлифа и Кука также оказывается в принципе традиционной – меняется лишь место и время. Кроме того, Карл отмечает много вопросов, на которые мы не находим ответа в статье Канлифа и в его предшествующих публикациях, как, например: во всей ли «Атлантической зоне» зародился кельтский язык или в ее части и тогда какой, и как он распространился за ее пределы (с. 41). Следует признать, впрочем, что на последний вопрос Канлиф, хотя и робко, но пытается ответить в этом сборнике (с. 34), ссылаясь на известную мобильность культуры, точнее, так называемого феномена колоколовидных кубков, проявляющегося в течение почти тысячелетия (ок. 2900–2100 гг. до н.э.) на обширных территориях Европы (а также на севере Африки)¹. Связь археологического феномена с (лингвистически) кельтами признавалась многими исследователями², однако очевидно, что такой подход неправилен³. С точки зрения Карла, важнейший вопрос, который нужно первоначально вновь поставить и решить, касается определения, что, собственно, такое «кельт». Недовольный позитивистским подходом к этой проблематике, исследователь предлагает свое «новое, всеобъемлющее и ассоциативное определение» (с. 47), которое следует процитировать полностью: «Кельт – это тот, кто или говорит на кельтском языке, или производит/использует предметы кельтского искусства, или кельтской материальной культуры, или тот, которого называют кельтом исторические источники, или тот, который самоидентифицируется как кельт, или тот, которого идентифицируют как кельта другие».

Оставив в стороне это определение⁴, равно как и достаточно общие рассуждения автора лингвистического порядка, взглянем на археологическую составляющую этой работы, написанной, напомним, одним из ведущих специалистов этой дисциплины. Карл дает краткий, но впечатляющий анализ современного состояния изучения Гальштатта, который является основной ранней археологической культурой при описании предыстории кельтов в рамках традиционного подхода. Материал, рассмот-

¹ См. в этой связи недавно Демченко, Фалилеев 2012.

² Такими, как Ж. Лот и М. Диллон в XX в. или А. Галлэ и П. Брун в веке нынешнем. Ср. также книгу, посвященную древнеирландскому языку, где даже приводятся рисунки трех колоколовидных кубков, а также пугающие обобщения ряда археологов, однако напрямую феномен и предыстория ирландцев разумно не связываются (Михайлова 2010, 17 сл.).

³ *Falileyev A. A Folk who will never speak: Bell Beakers and linguistics (in print).*

⁴ В связи с этим см. Rodway 2010, 24–25.

ренный в работе, приводит к неутешительным для сторонников такого подхода выводам, ибо ни ареальные, ни хронологические характеристики Гальштатта не позволяют установить собственно границ этого археологического феномена с какой-либо степенью точности. Согласно Карлу, мы имеем дело с определенным археологическим хаосом, для которого понятие «культура» является полностью нерелевантным, а вопрос о его происхождении, или, точнее, предыстории, оказывается бессмысленным (с. 52). Казалось бы, что перед нами – очередная иллюстрация кризиса «кельтской» (и не только) археологии, однако Карл предлагает свою модель чтения предыстории. Согласно исследователю, продолжающему развивать свою «ассоциативную модель», «культура» имеет в своей основе разные «происхождения», которые, возможно, по отдельности и можно локализовать, что нисколько не помогает, впрочем, для локализации самой этой «культуры» (с. 55). Применимо же к собственно кельтскому этногенезу эта модель в принципе вообще снимает этот вопрос: и гипотеза Канлифа/Кука об атлантическом происхождении кельтов, и традиционное представление об их центральноевропейской прародине оказываются лишены смысла. Как видно из этого опуса, перед нами – новый взгляд на старую проблему в рамках так называемого «кельтоскептического подхода» в археологических построениях, популярного среди целого ряда по преимуществу британских специалистов⁵. Не вдаваясь в подробности методологических оснований, на которых зиждется «кельтоскептицизм», здесь можно только отметить, что статья Карла предлагает существенные контраргументы против теории западного происхождения кельтов.

Но, может быть, свидетельства в пользу этой гипотезы дадут генетические исследования? Действительно, и в работе Эллен Рюврик (с. 83–106), и в главе, написанной Брайаном МакЭнвоием совместно с Даниелем Бадли (с. 107–120), как и ожидалось, лейтмотивом проходит идея о важности генетических построений для исследования этногенеза, в том числе и кельтского. Однако эти специалисты по генетике выдают авансы, скорее, на будущее, нежели реально вносят вклад в дискуссию, обозначенную в заглавии книги. Следует отметить, что интереснейшая работа двух ирландских специалистов посвящена, собственно, скорее ирландской, а не общекельтской проблематике, и содержит любопытные наблюдения, касающиеся ирландского Средневековья. Работа же Рюврик действительно включает в название словосочетание «западные кельты», за которым, впрочем, следует вопросительный знак, и, как представляется, именно он и может суммировать содержание этой статьи. Завершает генетический раздел книги работа известного специалиста по этой проблематике Стивена Оппенхаймера «Новый анализ многосторонних доисторических миграций в Британию и Ирландию, нацеленный на установление кельтского в них вклада» (с. 121–150). Впрочем, с «кельтским вкладом» и тут не все в порядке – Оппенхаймер в очередной раз сообщает нам о том, что генетический анализ свидетельствует о возможном передвижении людей в Британию с территорий Юго-Восточной Европы (Балкан) не позднее раннего бронзового века. При этом он отмечает необходимость дальнейших исследований и делает немаловажное, но вполне ожидаемое заявление: «гены не содержат этнической или лингвистической информации», что в увязке с всеобщей растерянностью по поводу хронологической и территориальной привязки (прото-)кельтов делает дальнейшие рассуждения бессодержательными (с. 146). Таким образом, при чтении «генетического» раздела этой книги создается впечатление, что соответствующие работы не только не дают ничего нового в поддержку «атлантического» происхождения кельтов, но и просто принципиально не могут способствовать решению этой проблемы.

Показательно, что единственная статья, опубликованная в этом сборнике и отстаивающая, как и работа Б. Канлифа, «новую парадигму» в кельтских штудиях, принадлежит перу второго соредатора книги – Дж.Т. Кука (с. 185–301). Его интерпретация тартесских надписей юго-запада Иберийского полуострова как лингвистически кельтских действительно предполагает отказ от гипотезы о центральноевропейской кельтской прародине, не нуждается в апелляции к археологическим понятиям Гальштатт и Ла Тен и помещает самые первые памятники кельтского языка (середина VII в. до н.э.) в «атлантическую зону». Кук представляет корпус тартесских надписей и их кельтских интерпретаций, причем практически каждый тартесский текст проиллюстрирован отличной цветной фотографией артефакта, на котором он начертан. Как известно, гипотеза Кука о кельтской лингвистической принадлежности тартесских памятников, которую он развивает последние лет пять, в основном встречена довольно негативно. Как отмечала Т.А. Михайлова в своей ёмкой рецензии на вышедшую в 2009 г. первую «тартесскую» монографию этого автора, «реконструкция надписей напоминает решения задач с уже известными ответами, и практически каждое слово вызывает вопросы или возражения»⁶,

⁵ Также известным как «ново-кельтский» («neo-Celtic»); см. Collis 2010.

⁶ Михайлова 2010а, 144. Вторая «тартесская» монография Кука вышла в свет в 2011 г. Следует отметить, что в настоящий сборник включена и работа Ф. Фримана (с. 303–334), в которой автор приводит свидетельства древних авторов о Тартессе. Статья имеет отчетливый вспомогательный ха-

и данный вердикт, как представляется, полностью применим к исследованию Кука, помещенному в этом сборнике. Очевидно, что несмотря на попытки обосновать лингвистическую «кельтскость» тартесского, он все равно остается энигматическим языком Иберийского полуострова, и поэтому этим аргументом в поддержку «атлантической гипотезы» можно полностью пренебречь.

Полную противоположность работе Кука, прежде всего – методологически, представляет опубликованная также в третьем разделе книги статья Дагмар Водтко «Проблема лузитанского» (с. 335–367), посвященная языкам западной части Иберийского полуострова. Автор внимательно и крайне осторожно рассматривает данные лузитанского языка, известного исключительно благодаря эпиграфике, в увязке с весьма фрагментарными сведениями о других языках, бытовавших на западе современной Испании и в Португалии. Водтко отмечает своеобразный лингвистический континуум в этом регионе, однако вполне трезво полагает, что объяснить его можно не только гипотезой о генетической связи между лузитанским, признаваемым в качестве некельтского индоевропейского языка значительным количеством исследователей⁷, и дороманскими языками, к примеру, современной Галисии, которые традиционно считаются «испано-кельтскими», но и чисто ареальными контактами, приведшими к появлению значительного количества заимствований. Известный специалист по древним языкам Иберийского полуострова Д. Водтко резонно полагает, что необходима дальнейшая скрупулезная работа с этими данными для получения надежных выводов. В плане же соотношения этой статьи с темой книги можно отметить, что одна из археологических гипотез (связанная с именем, прежде всего, М. Алмагро-Горбеа) предполагает определенную автохтонность безусловно кельтских по языковым данным кельтиберов: их предыстория возводится к более раннему слою памятников полуострова, к кругу которых относятся и лузитанцы. Таким образом, поднятые в статье Водтко вопросы имеют самое прямое отношение к проблеме «атлантических кельтов», хотя работа помечена (редакторами) как «вспомогательное исследование».

Впрочем, Д. Водтко никак не комментирует саму эту гипотезу и, что показательно, лишь упоминает работы Дж.Т. Кука, посвященные «кельтской» интерпретации тартесских памятников. Таким образом, только одна работа этого сборника, также помещенная в этом разделе, содержит открытую критику теории «атлантических кельтов» с точки зрения лингвистики. Статья Г. Айзака (153–167), показательно озаглавленная «Происхождение кельтских языков: распространение с востока на запад», написана с позиции кельтолога-индоевропейца. В целом, она продолжает ту линию критики, которую автор уже высказал в связи с появлением более ранних работ Барри Канлифа, и, с другой стороны, содержит некоторые уточнения к исследованию самого Айзака, посвященному, как и следовало ожидать из названия статьи, локализации носителей древнекельтских диалектов на востоке, а не на западе Европы⁸. Г. Айзак напоминает (с. 157), что теория сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков позволяет определить, хотя бы и фрагментарно, отношения между языками или группами языков в предыстории, и, так как автор целиком и полностью разделяет идеи профессора К.Х. Шмидта⁹, эти отношения позволяют локализовать носителей общекельтского именно на востоке, откуда язык и проник на запад континента. Конечно, теория о «прото-кельтах» как насельниках Восточной Европы не нова, и мы встречаем этот тезис в хронологически совершенно различных контекстах и построениях¹⁰, однако в данном случае аргументация построена на разумной методологии. Если гипотеза, которой придерживается Г. Айзак, обоснована, и если в действительности лингвистические данные говорят в пользу *совместных языковых инноваций*, разделяемых кельтским, индо-иранским и балто-славянским (и, в меньшей степени, греческим и фригийским), то для того, чтобы доказать «атлантическое» происхождение кельтов, необходимо, как минимум, перенести в атлантический ареал и остальных участников этого процесса.

Конечно, опасность перевода лингвистических контактов в географические координаты известна индоевропейцам, однако в данном случае, как представляется, любая попытка поместить носителей языков, принадлежащих указанным индоевропейским семьям, на Иберийский полуостров абсолютно абсурдна. Ссылка же на «многие прародины» кельтов, в том числе – и более позднюю, уже в Атлантическом ареале, наталкивается, среди прочего, и на возражения хронологического характера.

ракетр и не имеет прямого отношения к «атлантической гипотезе», равно как и работа Д. Парсонса (с. 169–184), которая поднимает важные методологические вопросы изучения древней (и средневековой) топонимии.

⁷ Ряд исследователей (например, Короминас или Унтерманн) видят в лузитанском архаический кельтский язык с сохранением и.-е. **p*, ср. лузит. (вин. п.) *porcom* и др.-ирл. *orc* ‘свинья’.

⁸ Isaac 2004; 2007, 75–95. Необходимо отметить, что теория принята не всеми кельтологами; в частности, иранский компонент в аргументации Айзака нуждается в тщательной ревизии.

⁹ Наиболее полно сформулированы впервые в работе: Schmidt 1996.

¹⁰ Выдвигающие этот тезис исследователи обычно не знакомы с современной лингвистической литературой по вопросу. См., в этой связи, Фалилеев 2008, 577–579.

Айзак датирует языковые контакты с участием протокельтов на востоке приблизительно 2000 годом до н.э. (с. 164): таким образом, и эта версия в рамках теории «атлантических кельтов» становится неоправданной. Примечательно, что хронология Г. Айзака, по крайней мере, сопоставима с выводами глоттохронологов¹¹. В связи с работой Айзака следует отметить и еще один немаловажный момент методологического характера. Как отмечает исследователь (с. 165), говорить о «кельтах» в предыстории в отрыве от их языка бессмысленно, и единственный резонный подход к вопросу о происхождении кельтов связан с предысторией их языка. «Без языка, – настаивает Айзак, – нет кельтов, ни древних ни современных, но только население со своими генетическими особенностями или объектами материальной культуры бронзового и железного веков». С этим положением трудно не согласиться.

В последнее время появилось немало трудов, нацеленных на комплексный и междисциплинарный анализ различных исторических срезов. Как было отмечено в рецензии на одну из безусловно удачных публикаций в этом ряду, между прочим, посвященной также кельтской проблематике, междисциплинарность, приобретающая в последнее время значительную (а порой и явно чрезмерную) популярность в исследовании древности, зачастую является исключительно декларативным лозунгом¹². Междисциплинарность же рассматриваемого сборника воистину уникальна. Действительно, под одной обложкой собраны работы лингвистов, археологов и генетиков. В пользу вынесенного в заглавие тезиса выступают два со-редактора тома, лингвист и археолог, и именно два специалиста и именно по этим двум дисциплинам выступают с глубокой критикой этой гипотезы. Исследование генетиков, по крайней мере, на сегодняшний день, не может пролить никакого света на поставленную проблему, а для ряда археологов само понятие *кельт* является нерелевантным. Так что же изменилось в мировой науке после публикации этого тома? Печально, но практически ничего: два приверженца «атлантической гипотезы» продолжают публиковать научные работы в этом же ключе, несмотря на критику всех ее положений (и в основном ее не учитывая), лингвисты по-прежнему полностью не принимают эту гипотезу; генетики продолжают заниматься генетикой без выхода на понятие *кельт* уже хотя бы потому, что у этого термина не существует генетического содержания, и универсального определения его достигнуто не было, а археологи все так же пытаются найти модели описания предыстории, стараясь не оперировать этническими терминами. Понятно, что время традиционной парадигмы, приравнивающей кельтов к материальным культурам Гальштатт и Ла Тен, уже давно прошло – в этой связи можно напомнить, что реально древнейший континентальный кельтский язык, ранние памятники которого датируются по крайней мере серединой VI в. до н.э. – лепонтийский, ассоциируется с археологической культурой Голасекка, в явно кельтских Британии и Ирландии собственно Гальштаттских памятников не так много, и этот список претензий к традиционной модели можно продолжать долго. С другой стороны, так и не достигнут консенсус о времени, скажем, появления кельтского языка на территории Ирландии – часть исследователей высказывается в пользу эпохи Бронзы, в то время как другие специалисты склоняются к рубежу эр, т.е. хронологический разрыв составляет, по крайней мере, тысячелетие. Более того, продолжают дискуссии о взаимосвязи отдельных кельтских языков в древности и нередко попытки выдать за кельтские древние идиомы, кельтскими не являющимися, что еще более усложняет общую картину. Так, с одной стороны, продолжается диспут об исторических корнях так называемых «островных» кельтских языков (предков, скажем, ирландского и валлийского): одни исследователи склоняются к галло-бриттскому языковому единству, противопоставляя тем самым язык древних насельников Британии кельтскому языку Ирландии, в то время как для других ученых язык всех островных кельтов восходит к единому праязыку, и тем самым противопоставляется, к примеру, галльскому¹³. С другой стороны, часть исследователей считает, что, к примеру, лигурский язык Северной Италии является кельтским, однако подобный подход является неприемлемым¹⁴.

Нерешенных вопросов в современной лингвистической кельтологии, как мы знаем, немало, что, однако, не должно позволять исследователям манипулировать этими разрозненными и разнопорядковыми данными. Нужно честно признать, что ни генетические, ни археологические исследования не помогают нам ответить на вопрос о месте происхождения кельтов, хотя бы потому, что само понятие «кельт» в этих построениях оказывается очень расплывчатым, и в таком контексте сентенция Раймонда Карла о «кельтах отовсюду и ниоткуда» становится вполне адекватной. Если же вместе

¹¹ «Калиброванная глоттохронология» Старостина; см. Blažek 2007. Проблемы этого метода исследования и – в первую очередь – кластические критически учтены в работе: Falileyev A. A Folk who will never speak: Bell Beakers and linguistics (in print).

¹² Габелко 2012.

¹³ О проблеме генетического членения кельтских языков в современной науке см. Михайлова 2010, 10–16; Sims-Williams 2007.

¹⁴ См. подробно Фалилеев 2011.

с лингвистами¹⁵ признавать в определении *кельт* языковую составляющую определяющей и использовать для построений исключительно неоспоримые данные, то картина кельтского этногенеза становится весьма пунктирной. Предыстория кельтского языка лежит на востоке, скорее всего – на востоке Европы, если принять самую популярную на сегодняшний день теорию происхождения индоевропейских языков. Если К.Х. Шмидт и Г. Айзак правы, то мы можем говорить о контакте между (прото-)кельтским и рядом «незападных» индоевропейских языков, а это помещает носителей кельтского снова в Восточную Европу рубежа III и II тыс. Если, вместе с целой группой современных ученых (Ф. Кортланд, П. Схрайвер и др.), мы хотим вернуться к старой идее об итало-кельтском единстве, то мы должны «покинуть» Восточную Европу и искать кельтов в это время уже на Западе. Однако альтернативное объяснение итало-кельтских изоглосс Г. Айзаком¹⁶ позволяет датировать существование этих контактов более поздним периодом. Впрочем, тут мы оказываемся еще раз в плену у нерешенных проблем и дискутируемых положений. Абсолютно неоспоримым остается то, что говорящие на самом раннем зафиксированном кельтском языке «лепонтийцы» к VI веку жили в ареале распространения археологической культуры Голасекка¹⁷. Таким образом, по крайней мере, на несколько тысячелетий предыстория «лепонтийцев» остаётся темной. При нашем незнании конкретных деталей способа распространения кельтских языков в Европе, который, впрочем, несомненно должен включать миграционный компонент, дальнейшие умозаключения по этому поводу могут быть только спекулятивны. Однако понятно, что на основании современных позитивных знаний об истории кельтских языков гипотеза о возникновении кельтов в атлантическом ареале в эпоху ранней Бронзы не может быть принята в принципе.

Литература

Габелко О.Л. 2012: Рец. In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC). Sofia, 2010 // ВДИ. 1, 220–228.

Демченко Т.И., Фалилеев А.И. 2012: XV Международная Конференция «Колоколовидные Кубки. От Атлантики до Урала» // ВДИ. 2.

Михайлова Т.А. 2010: Древнеирландский язык. М.

Михайлова Т.А. 2010а: Рец.: J.T. Koch. Tartessian: Celtic in the South-West at the Dawn of history. Aberystwyth, 2009 // Вопросы языкознания. 3, 141–145.

Фалилеев А.И. 2008: Лингвистическая атрибуция носителей культуры Триполье/Кукутень. О доверии к лингвистическим построениям археологов // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 4. Ч. 1.

Фалилеев А.И. 2011: Вопросы лигурского языкознания. Ligurica sub specie Celto-Liguricae et Indo-Germanicae // Вопросы языкознания. 3, 85–113.

Blažek V. 2007: From August Schleicher to Sergei Starostin: On the Development of Tree-diagram models of the Indo-European Languages // Journal of Indo-European Studies. 35. 1, 82–109.

Collis J. 2010: Redefining the Celts // Kelten am Rhein. Mainz.

Isaac G.R. 2004: The Nature and Origins of the Celtic Languages: Atlantic Seaways, Italo-Celtic and Other Paralinguistic Misapprehensions // Studia Celtica. 38. 1, 49–58.

Isaac G.R. 2007: Studies in Celtic Sound Changes and Their Chronology. Innsbruck.

Rodway S. 2010: Celtic–Definitions, Problems and Controversies // In Search of Celtic Tylis in Thrace. Sofia, 9–32.

Sims-Williams P. 2007: Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // Gaulois et Celtique Continental. Genève, 309–354.

Schmidt K.H. 1996: Celtic: a Western Indo-European Language? Innsbruck.

Uhlich J. 1999: Zur sprachlichen Einordnung des Lepontischen // Akten des Zweiten Deutschen Keltologensymposiums. Tübingen, 272–304.

А.И. Фалилеев,

доктор филологических наук,

Институт лингвистических исследований РАН

¹⁵ В. Майд, К.Х. Шмидт, П. Симс-Уильямс, Г. Айзак, П. Схрайвер, С. Родуей и т.д. Этот список можно продолжать долго.

¹⁶ Isaac 2007, 88–89; можно отметить в этой связи, что в глоттохронологической схеме Старостина (Blažek 2007) «итало-кельтское» единство отсутствует.

¹⁷ См. исследование Uhlich 1999, в котором приводятся аргументы в пользу анализа лепонтийского как отдельного кельтского языка, а не архаического диалекта галльского, и содержится весьма полезная попытка поставить лепонтийские памятники в контекст истории региона, основанной на чтении исторических и археологических источников.